

Шаповалов Сергей Николаевич

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета

**ПАСХА И ПЕРВОМАЙ:
БОРЬБА СТАРОГО И НОВОГО БЫТА
НА КУБАНИ В 1920–1930-Е ГГ.**

Аннотация:

В статье рассмотрена проблема утверждения советских праздников через призму борьбы с религиозными торжествами на территории Кубани. На основе анализа выделены основные формы вытеснения Пасхи в рассматриваемый период. Дана содержательная характеристика каждой формы.

Ключевые слова:

борьба, демонстрация, календарь, Кубань, митинг, Пасха, Первомай, праздник, станица, церковь.

Shapovalov Sergey Nikolayevich

PhD in History, Lecturer,
History and Cultural Science Department,
Kuban State University

**EASTER AND MAY DAY: OPPOSITION OF
THE OLD AND THE NEW LIFESTYLES
IN KUBAN IN THE 1920–1930-S**

Summary:

The article deals with the problem of adoption of Soviet celebrations in the context of the struggle against religious holidays in the territory of Kuban. On the basis of the analysis the author distinguishes the main forms of exclusion of Easter during the considered period. The substantial characteristic of each form is given.

Keywords:

struggle, demonstration, calendar, Kuban, meeting, Easter, May Day, holiday, stanitsa (Cossack village), church.

В дореволюционный период Пасха относилась к числу важнейших двенадцатых православных праздников, повсеместно отмечавшихся с большим размахом и участием представителей всех сословий верующего населения. Помимо самой Пасхи Господней, в число неприсутственных (нерабочих) на службе дней входили четверг, пятница и суббота Страстной седмицы, а также дни Светлой седмицы [1]. Всего было 10 выходных дней.

В.Ф. Золотаренко в рукописи «Плач Василия при реке Кубани» запечатлел пасхальные праздники в Екатеринодаре: «...Во время пасхальной утрени зажигают четыре смоляных перетирка, по числу сторон храма. По четырем же сторонам стоят на холсте изображенные иконы, освещенные восковыми фитилями... После выстрелов из всех крепостных пушек начинается колокольный призыв к услышанию радостной песни: Христос воскрес... Осветились пасхи, народ отобедал... Девушки собираются в кучу... ходят по улицам и поют... Малолетки... по улицам, проводят святочные дни в пустых рассказах, иногда играя в мяч... На другой день светлого праздника, при обхождении духовенством вокруг собора с хоругвями, офицеры носят знамена всех полков, а урядники – куренные булавы...» [2, с. 99].

Пасхальные каникулы также сопровождались соблюдением населением поста (до самого праздника), участием в церковных службах, трапезами с употреблением символической пищи, посещением и приемом гостей. Зачастую во время празднования Пасхи наблюдались уличные драки и другие действия, нарушавшие общественный порядок. Например, в рапорте полицмейстера Екатеринодара за 1903 г. отмечалось, что городская молодежь в праздничные пасхальные дни устраивала драки, особенно на Котляревской, Кузнечной, Садовой и Гривенской улицах, где «...не давала проходу публике, врывается во дворы жителей, била им окна...» [3, с. 245].

Гораздо спокойнее проводились «маевки». По воспоминаниям екатеринодарца М.Г. Зорина, «ежегодно разными контингентами жителей в городе и в разных местах вне его устраивались «маевки», но по-разному... К 7 часам утра все учащиеся в гимназии собирались в ее дворе... выходили на Красную улицу и под звуки ученического оркестра... стройным маршем двигались... за город – в Круглик, небольшой лесок на северо-востоке недалеко от Екатеринодара. За учащимися ехала линейка с продуктами питания... Пройдя в Круглик, все сразу же разбрелись по лесу – кто ловить мотыльков и кузнечиков; иные устраивали борьбу... А вот рабочие уже в то время справляли свои «маевки» по-иному. Это были не праздники, как их тогда понимали, это были скорее сходки – рабочие собрания... Собирались, правда, не без закуски и выпивки и не без лес для ловли рыбы, обсуждали политические вопросы...» [4, с. 236–237].

Постепенно политическое начало в рабочих «маевках» стало все более преобладать. Они стали отмечаться демонстрациями и митингами с красными флагами, распеванием революционных песен и политическими выступлениями. Однако полиции удавалось достаточно быстро разгонять участников подобных «маевок» и задерживать некоторых из них.

Положение Пасхи и Первомай кардинально изменилось после революций в 1917 г. С согласия Временного правительства рабочая «маевка» приобрела статус легального праздника и выходного дня. В Кубанской области 1 Мая (День рабочих – в документах этого периода) в 1917 г. отмечалось не только в административном центре, но и в других городах. По воспоминаниям Е.И. Жигулиной, «большевистская организация города Темрюка готовила трудящихся к пролетарскому празднованию 1 Мая... В течение нескольких дней собирались по вечерам за городом, учились ходить в строю, слаженно петь революционные песни, шили флаги, делали транспаранты... В назначенный час 1 мая сотни юношей и девушек стройными рядами, с песнями, флагами... и живыми цветами подошли к площади, заполненной народом...» [5, л. 8].

После Октябрьской революции новое правительство 29 октября 1917 г. приняло декрет «О восьмичасовом рабочем дне, продолжительности и расписании рабочего времени». В нем был определен перечень праздничных (нерабочих) дней, в том числе День рабочих (1 мая).

Пасха также осталась в календаре в качестве праздничного (нерабочего) дня, однако продолжительность Пасхальной недели была существенно уменьшена. Выходными объявлялись пятница и суббота Страстной недели, а также понедельник и вторник Пасхальной недели.

С укреплением власти партии большевиков (чьи взгляды на религию были общеизвестны) началось наступление на религиозные праздники. В начале 1918 г. СНК принял декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». В соответствии с ним действия государственных и общественных учреждений перестали сопровождаться религиозными обрядами и церемониями. Начал разрушаться многовековой союз государства и церкви. Естественно, что это отразилось и на праздничной сфере. Приоритетными для новых властей стали гражданские рабочие торжества.

С начала апреля 1918 г. в стране началась подготовка предстоящего празднования Первомай. Она разворачивалась на фоне противодействия со стороны церкви, поскольку 7 апреля 1918 г. Поместный собор принял постановление о недопустимости для верующих участия в каких-либо уличных шествиях, оскорбляющих религиозные чувства православных в день 1 мая, который приходился на среду Страстной седмицы [6, с. 341]. Подобное решение создавало вполне реальную и серьезную угрозу предстоящему празднику, так как подавляющее большинство населения страны было верующим.

Советское правительство отреагировало на постановление Поместного собора так: 13 апреля 1918 г. был подписан декрет «О невыдаче наградных к пасхе» [7, с. 99]. Причем отмена наградных мотивировалась достаточно высокими нормами ставок оплаты труда, при которых не было надобности ни в каких дополнительных вознаграждениях. Позже, 30 апреля, СНК постановил: «Во время праздника пасхи число нерабочих дней во всех правительственных и общественных учреждениях не должно превышать пяти» [7, с. 225].

Несмотря на близость Первомай и Пасхи и на решение Поместного собора, праздник 1 Мая был проведен в столице и регионах. В Екатеринодаре на нем присутствовали члены партии, рабочие и красные военные отряды. Они участвовали в шествиях, митингах и «параде». Сохранились свидетельства о праздновании Первомай на Кубани и в сельской местности.

Ввиду того что Пасха и Первомай периодически совпадали, между религиозным и рабочим праздником развернулась борьба за массы, инициированная властями. Одновременно это была борьба нового быта со старым. Она особенно усиливалась, когда Пасха выпадала на Первомай. Рассмотрим основные формы этой борьбы, которые условно можно разделить на три: «идеологическую», «организационную» и «законодательную».

«Идеологическая» форма борьбы была направлена на дискредитацию Пасхи и других религиозных праздников. Она велась различными партийными органами, периодической печатью, силами созданных общественных и антирелигиозных организаций (например, союз воинствующих безбожников), образовательными учреждениями и пр. Для нее было характерно использование клубной работы, чтение лекций и проведение бесед, опубликование разоблачающих статей и заметок, создание и распространение антирелигиозных агитационных материалов.

Накануне Пасхи в 1926 г. Кубанским окружным комитетом ВКП (б) специально подчеркивалось, что «во всех выступлениях и первомайских докладах необходимо провести отличия праздника 1 Мая и Пасхи» [8, л. 58]. Кубанский окружной женский отдел также проводил разъяснительную работу. В рекомендательном письме «О праздновании пасхи и 1 Мая», разосланном в 1927 г., отмечалось, что «главная задача, стоящая перед женотделами в пасхальную неделю, – отвлечь широкие массы женщин от пережитков старого быта в связи с празднованием пасхи, как то: посещения гостей, пьянки, христосования, отвлечь их от церкви...» [9, л. 8].

Рассматриваемая форма борьбы особенно усилилась в 1930-е гг. Так, секретариатом Кубанского окружного комитета ВКП (б) 3 апреля 1930 г. был утвержден следующий план антипасхальной кампании. Она состояла из трех этапов: подготовительного (с 1 по 10 апреля), ударного

(с 10 апреля по 1 мая) и заключительного (с 1 по 10 мая). В «ударный» период предусматривались массовые демонстрации, карнавалы, митинги и пр., а также доклады, противопоставлявшие Пасху празднику 1 Мая [10, л. 128а].

В периодической печати распространялась информация о деструктивных сторонах празднования Пасхи: о посещении и приеме гостей, участии в церковных службах, распитии спиртных напитков, драках и пр. По этому поводу в центральной краевой газете «Большевик» вышла заметка «Происхождение и классовая сущность пасхи и воскресения Христа». В ней отмечалось, что «...празднование пасхи сопровождалось обжорством и диким разгулом. Каким бы туманом ни окутывались пасхальные обряды, они остаются дикарским, бессмысленным колдовством, участие в которых недостойно уважающего себя сознательного трудящегося...» [11].

Пасху также старались связать с международной политикой, приписывая ей капиталистическое содержание: «В условиях СССР пасха – это прикрытие, которое использует классовый враг для пропаганды идей и настроений, враждебных социализму... Пасхальные церковные песнопения и обряды внушают верующим трудящимся покорность и смирение перед всеми ужасами и насилиями капитала...» [12].

«Организационная» форма борьбы с Пасхой была направлена на вытеснение ее из быта населения и замену советскими праздниками: альтернативной «Комсомольской пасхой» и Первомаем. «Комсомольская пасха» стала проводиться на Кубани с весны 1923 г. С самого начала она носила исключительно антирелигиозный характер. В городской местности устраивались небольшие шествия, клубные вечера с концертами и танцами, различные выставки и диспуты. В сельской местности «праздник» в основном сводился к клубной работе. В 1920-е гг. «Комсомольская пасха» еще отмечалась в городах и станицах Кубани, однако затем была свернута.

Первомай изначально рассматривался как один из главных советских рабочих праздников, но из-за периодического совпадения с Пасхой появлялась опасность в недостаточном участии народных масс в торжествах. В этой связи борьба с религиозным праздником была неизбежна. Критериями успеха в классовом противостоянии служили: многолюдные демонстрации и другие формы занятости населения, незаполненные или пустые церкви, участие населения в трудовой деятельности вместо религиозных обрядов.

Одно из первых совпадений Первомай и Пасхи (выпала на 1 мая) произошло в 1921 г. На Кубани власти сделали все возможное, для того чтобы максимально привлечь население к участию именно в пролетарском празднике. Рабочим-ударникам, помимо специального пайка, выдавалось дополнительно по четверти фунта постного масла, сахара и – курящим – табака. Местный совпроф объявил нерабочими днями: 30 апреля, 1 и 2 мая. Организаторы заполнили эти дни всевозможными мероприятиями.

В Краснодаре программа первомайского праздника была предельно насыщена. В городе проводился военный парад, демонстрация трудящихся, торжественный митинг, массовые художественные инсценировки и народные гуляния. В Новороссийске 2 мая состоялись парад и дефилирование войсковых частей. Вечером во всех театрах и клубах – спектакли и концерты. Митинги, чествования героев трудового фронта, парады местных военных частей прошли во многих станицах и хуторах [13].

В 1926 г., когда Пасха выпала на 2 мая, партийные органы сделали упор на осторожную антирелигиозную пропаганду. В инструкции агитпропа Северо-Кавказского крайкома по поводу празднования Первомай отмечалось: «Агитационная кампания... не должна носить антирелигиозного характера, что может иметь место, так как дни празднования совпадают с днем пасхи... демонстрацию организовать в областях, округах и районных центрах. В... сельских местностях демонстрацию организовать в тех случаях, если успех может быть обеспечен полностью.... От антирелигиозных выступлений вообще в пасхальные дни следует воздержаться... с призывом всех выйти на демонстрацию, что является лучшим актом антирелигиозной пропаганды...» [14, л. 6–7].

В Кубанском округе на заседаниях окружной первомайской комиссии внимание акцентировалось на необходимости того, «чтобы все первомайские выступления... получили свое выражение в особой тщательной их подготовке, особенно в проведении и организации первомайских вечеров, гуляний, зрелищ, массовых постановок и проч., как способов вовлечения в первомайский праздник основной массы рабочих, казаков-крестьян, работниц-казачек и молодежи» [15, л. 58].

С началом проведения в стране коллективизации критерием антирелигиозности населения для местных властей стал выход на работу в пасхальные дни. Так, например, жители станицы Выселки Кореновского района в первомайский день «пасхи» выехали в степь. За первый день Пасхи ими были засеяны 163 га, вспахан 71 га, прополоты 18 га. Не ограничиваясь этим, профсоюзы посылали в колхозы первомайские бригады для усиления работ по окончании весеннего сева и для проведения посевных дней 1–2 мая [16].

В 1932 г. Первомай и Пасха вновь пришлись на один день. На этот раз антирелигиозная пропаганда носила вполне открытый характер. В Краснодаре на президиуме горсовета было принято решение передать РЖСКТ «Красный Октябрь» для разборки бывший Александро-Невский собор с условием закончить работу не позже 1 мая. В «Плане проведения празднования 1 мая в 1932 г.» отмечалось: «...провести 30 числа с 10 часов вечера до 1 часу ночи общегородской общекомсомольский антирелигиозный карнавал, с участием комсомольцев и частей гарнизона по плану ГК ВЛКСМ с широким привлечением трудящейся молодежи города» [17]. Само первомайское празднование было насыщено всевозможными мероприятиями: общегородской демонстрацией, митингами, принятием молодыми красноармейцами красной присяги, военно-спортивными состязаниями, играми, развлечениями, военизированными прогулками и пр.

К концу 1930-х гг. Первомай официально вытеснил Пасху из быта населения. Члены партийных, советских и профсоюзных организаций, рабочие, служащие и красноармейцы были задействованы в первомайских мероприятиях. Сельское население приглашалось в города или отправлялось на весенние посевные работы. Такой распорядок первомайских дней практически не оставлял населению возможности для празднования Пасхи.

«Законодательная» форма борьбы с Пасхой включала в себя календарные преобразования и наступление на позиции церкви. Выше уже отмечалось, что сокращение пасхальных каникул произошло сразу же после Октябрьской революции 1917 г. В конце следующего года были приняты Правила СНК о еженедельном отдыхе и праздничных днях. В них религиозные праздники были отнесены к особым дням отдыха. В каждом регионе местные власти сами определяли перечень особых дней и их продолжительность.

В Кубано-Черноморской области в 1920 г. в число праздничных дней входили: суббота Страстной недели и второй день Пасхи. Для сравнения: в 1923 г. Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет установил для Пасхи лишь один праздничный день – 9 апреля (первый день Пасхи). В дальнейшем число выходных дней варьировалось. Такое положение сохранялось вплоть до 1929 г., когда СНК СССР принял решение производить работы на предприятиях и в учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю, в дни всех религиозных праздников на общих основаниях. Особые дни отдыха остались лишь в сельской местности, но с переходом к сплошной коллективизации возможности для празднования Пасхи были существенно сокращены.

Одновременно на Кубани, как и по всей стране, проводилась линия на сокращение числа религиозных учреждений. Храмы, церкви и соборы приспособлялись под советские учреждения либо уничтожались за ненадобностью.

Запрету и регламентации подвергались церковные обряды и традиции. Так, 8 апреля 1929 г. ВЦИК, СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях». В соответствии с ним, «религиозные шествия... совершение религиозных обрядов и церемоний вне места нахождения религиозного объединения могут быть допущены с особого каждый раз разрешения органа, заключившего договор о пользовании культовым имуществом...» [18]. 4 августа 1931 г. Краснодарский президиум горсовета постановил: «Поручить рабочей части президиума... издать обязательное постановление, воспрещающее колокольный звон в церквях города» [19, с. 541].

Ссылки:

1. Кубанский календарь на 1899 год. Екатеринодар, 1899. С. 11 ; Кубанский календарь на 1907 год. Екатеринодар, 1906. С. 1.
2. Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993.
3. Там же.
4. Там же.
5. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774. Оп. 2. Д. 455.
6. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007.
7. Декреты советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959.
8. Там же.
9. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212.
10. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 2 доп. Д. 4.
11. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 661.
12. Большевик. 1939. 8 апр.
13. Там же. 9 апр.
14. Красное знамя. 1921. 24 апр. ; 28 апр. ; ЦДНИКК. Ф. 12500. Оп. 1. Д. 46.
15. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 325.
16. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212.
17. Красное знамя. 1930. 30 апр.
18. Там же. 1932. 22 апр.
19. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 35.
20. Екатеринодар – Краснодар: два века ...

References:

1. *Kuban calendar for 1899 1899*, Ekaterinodar, p. 11; *Kuban calendar for 1907 1906*, Ekaterinodar, p. 1.
2. *Ekaterinodar – Krasnodar: two centuries of the city in the dates, events, memories ... Materials for the Chronicle* 1993, Krasnodar.
3. *Ekaterinodar – Krasnodar: two centuries of the city in the dates, events, memories ... Materials for the Chronicle* 1993, Krasnodar.
4. *Ekaterinodar – Krasnodar: two centuries of the city in the dates, events, memories ... Materials for the Chronicle* 1993, Krasnodar.
5. *Documentation Centre recent history of the Krasnodar Territory (TSDNIKK)*, f. 1774, op. 2, d. 455.
6. Babkin, MA 2007, *The clergy of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy (the beginning of the XX century – The end of 1917)*, Moscow.
7. *The decrees of the Soviet government* 1959, vol. II, March 17 – July 10, 1918, Moscow.
8. *The decrees of the Soviet government* 1959, vol. II, March 17 – July 10, 1918, Moscow.
9. *TSDNIKK*, f. 8, op. 1, d. 212.
10. *TSDNIKK*, f. 8, op. 2 extra, d. 4.
11. *TSDNIKK*, f. 8, op. 1, d. 661.
12. *Bolshevik* 1939, April 8.
13. *Bolshevik* 1939, April 9.
14. *Red banner* 1921, April 24; April 28; *TSDNIKK*, f. 12500, op. 1, d. 46.
15. *Documentation Centre recent history of Rostov region (TSDNIRO)*, f. 7, op. 1, d. 325.
16. *TSDNIKK*, f. 8, op. 1, d. 212.
17. *Red banner* 1930, April 30.
18. *Red banner* 1932, April 22.
19. *Collection of Laws and Decrees of the Workers 'and Peasants' Government of the RSFSR* 1929, no. 35.
20. *Ekaterinodar – Krasnodar: two centuries of the city in the dates, events, memories ... Materials for the Chronicle* 1993, Krasnodar.